

PK-2

K7364

№ 3.

1-го Мая 1917 г.

Изданіе учениковъ
старшихъ классовъ

„ШКОЛЬНЫЙ ЛУЧЪ“

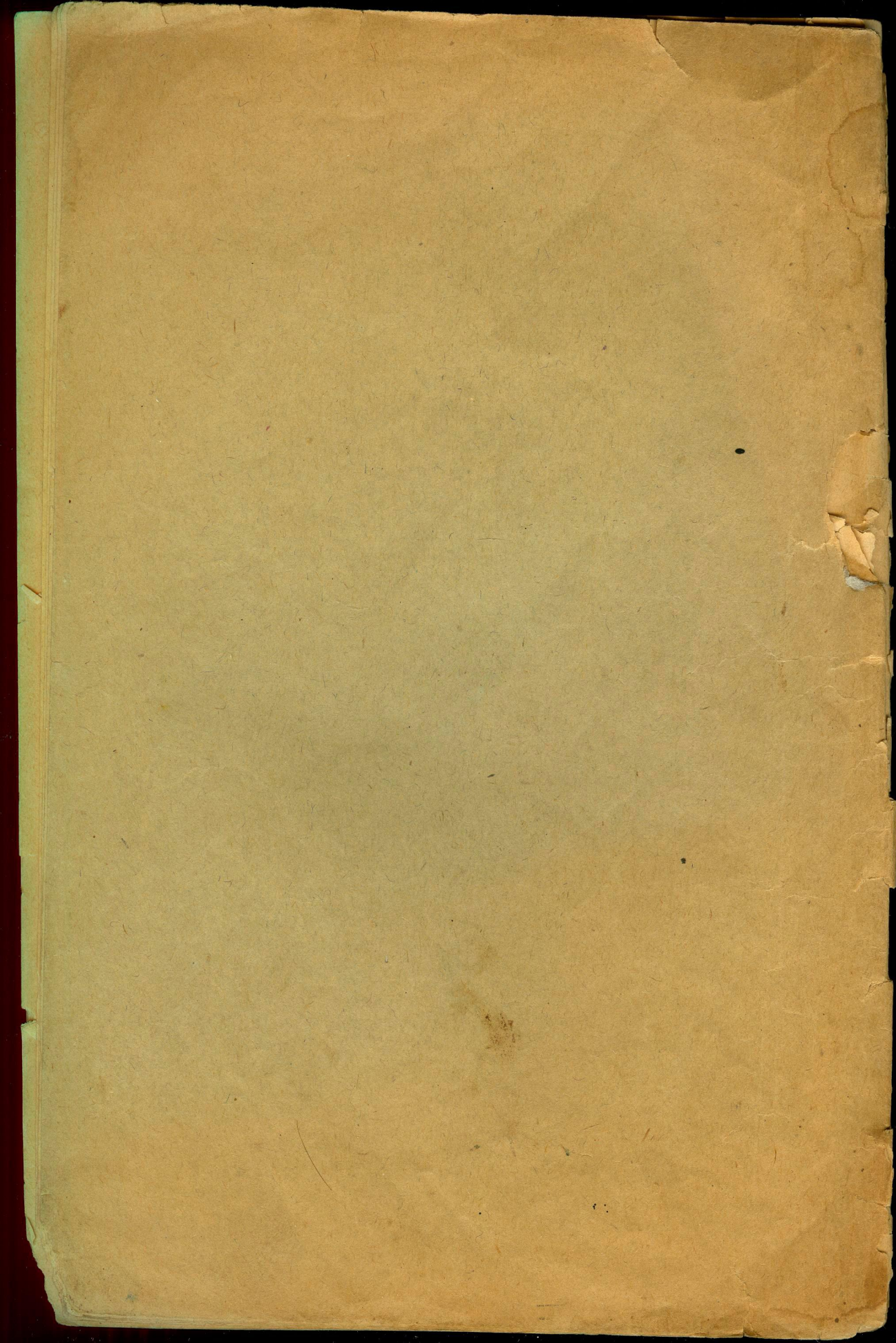
Ахтырской
мужской гимназiи.

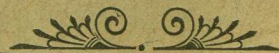
Директоръ гимназiи
Л. Я. Квицинскій

АХТЫРКА.
Типографiя И. Е. Певзнера.
1917.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

39074

Подъ редакціей

С. И. ГУДИЛИНА

= и =

И. А. ЯКОВЛЕВА.

СВЕРШИЛОСЬ...

Двадцатые числа истекшаго февраля принесли съ собою событія чрезвычайной государственной важности—въ Россіи палъ самодержавный строй правленія.

Небывалая въ лѣтописяхъ міровой исторіи кровопролитнѣйшая война вызвала страшное напряженіе народной энергіи въ дѣлѣ обороны страны отъ могущественнаго и сильнаго своими техническими средствами врага. Великая страна мобилизовала огромнѣйшую армію; заводы и фабрики ея занялись усиленнымъ приготовленіемъ предметовъ военнаго снаряженія; тылъ поспѣшилъ въ потребномъ количествѣ доставить на фронтъ продовольствіе для своихъ доблестныхъ защитниковъ. Вокругъ Россіи объединились великія европейскія державы: Англія, Франція, Італія; на сторонѣ ея оказались Японія, Румынія, Португалія, Черногорія, многострадальныя Бельгія и Сербія. Казалось, для борьбы съ центральными европейскими государствами лучшей политической конъюнктуры трудно было бы и подыскать. Но военное счастье все еще оставалось въ рукахъ противника, занявшаго большое пространство земель Русскаго государства и даже не думавшаго о заключеніи мира.

Война затянулась. Между тѣмъ внутреннее положеніе Россіи настоятельно требовало принятія экстренныхъ мѣръ для устраненія надвигавшагося голода. Жертвы, приносимыя народомъ на алтарь отечества, требовали отъ правительства вдумчиваго отношенія къ нуждамъ народа, задыхавшагося отъ гнета спекуляціи.

Кромѣ того, мѣры, принимавшіяся правительствомъ, наводили постоянно на тревожную мысль: не думаетъ ли правительство, создавъ внутри страны условія невозможнаго гражданскаго существованія, вызвать революцію, дабы съ легкимъ сердцемъ потребовать отъ народа заключенія мира съ кайзеромъ, сохранившимъ прерогативы почти самодержавной власти? вмѣсто коренного измѣненія внутренней политики, началась калейдоскопическая по своей быстротѣ смѣна министровъ,—обстоятельство, вносившее лишь безтолковщину въ запутан-

ное народное хозяйство. Государственная Дума, въ лицѣ лучшихъ народныхъ избранниковъ, не стѣсняясь, указывала правительству на ту пропасть, въ которую оно тянетъ страну. Но правительство оставалось глухимъ къ этому голосу, и, кромѣ того, появились слухи, что 4-ая Государ. Дума будетъ распущена, дабы правительство имѣло возможность собрать 5-ую Госуд. Думу, состоящую изъ элементовъ, для него желательныхъ. Слухи подтвердились. Въ февралѣ Дума была распущена, и правительствомъ были приняты чисто полицейскія мѣры, дабы подавить возможное, въ связи съ роспускомъ ея, народное волненіе. Но народные избранники рѣшили не „расходиться“, и образовавшійся Комитетъ безопасности въ столицѣ взялъ въ свои руки дѣло правленія страной, излившей свой гнѣвъ на почвѣ продовольственного кризиса въ народномъ возстаніи въ Петроградѣ, охватившемъ затѣмъ всю страну.

Получивъ моральную и матеріальную, въ видѣ присоединенія къ возставшему народу войскъ, поддержку, Временное Правительство воспріяло всю полноту Верховной власти и впредь до созыва Учредительнаго Собранія, въ которомъ, на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ, русскій народъ выскажется за ту или иную форму государственнаго устройства, поставило себѣ задачею устраненіе продовольственного кризиса внутри страны и доведеніе войны до побѣдоноснаго конца.

Привѣтствуя гражданскую стойкость Временнаго Правительства и тѣ мѣры, которыя оно принимаетъ для улучшенія положенія различныхъ народовъ, населяющихъ Русскую землю, окажемъ ему свою поддержку въ доведеніи имъ до конца поставленныхъ себѣ задачъ; будемъ стремиться сохранять столь нужное въ переживаемый историческій моментъ гражданское спокойствіе, въ полной увѣренности, что оно справится съ внутренними и внѣшними врагами; не забудемъ также, что въ тѣсномъ единеніи Правительства съ народомъ, а не въ разобщенности съ послѣднимъ, не въ двоевластіи или даже многовластіи Правительства его сила.

Сильна власть его—прочны и свободы, добытыя путемъ государственнаго переворота.

Наступила настоящая весна русской народно-государственной жизни. Будемъ бережно хранить ее, дабы противникамъ ея отрѣзать путь къ возвращенію къ старому порядку вещей.

Редакція.

Оглавленіе.

„Пожеланіе“, стих. Г. Голле.

Катехизисъ гимназиста. В. Кейля.

„Родина“, стих. Немо.

Моя поѣздка на Кавказъ. (Изъ лѣтнихъ воспоминаній).
Б. Давидова.

„1916-й годъ“, стих. П. Пашенка.

С. Я. Надсонъ. (Къ 30-лѣтію со дня кончины его).
И. Шатанька.

„Зима“, стих. Н. Бурдуна.

Гипотезы о наличности живыхъ существъ на планетахъ.
Д. С-ы.

„Мятель“, стих. Б. Яновскаго.

Прѣсноводный аквариумъ и его обитатели (окончаніе).
Очеркъ В. Владыкова.

Шарады (№№ 3, 4, 5) Дима.

„У телефона“, Дима.

Вѣчная память! (Памяти гимназистки Марты Берзинъ).
В. Кейля.

Отчетъ по выпуску № 2 журнала „Школьный лучъ“.
Объявленія отъ редакціи.

ПОЖЕЛАНИЕ.

Бейте, орлы, побѣждайте
Нашей отчизны враговъ
И ничего не давайте
Имъ, кромѣ вашихъ штыковъ.

Частой шрапнели подарки
Имъ посылайте, друзья,—
Пусть знаютъ нѣмцы, какъ жарки
Ваши съ отвагой сердца.

Не забываютъ ихъ также
Вашимъ свинцомъ одарить,—
Надо-же гордымъ злодѣямъ
Съ честью и славой отмстить.

Мы же васъ здѣсь не забудемъ
И во всѣхъ храмахъ святыхъ
Бога молить за васъ будемъ,
Нашихъ страдальцевъ родныхъ.

Г. Голле.

Катехизисъ гимназиста. ПРОЛОГЪ.

Какой-то чудакъ-философъ, окончивая нашу гимназію, вздумалъ какъ-то собрать воедино всю премудрость, что приобрѣтается путемъ восьмилѣтняго хожденія въ гимназію, рѣшилъ издать своего рода „энциклопедію знаній гимназиста“; но тутъ встрѣтились совершенно неожиданныя препятствія. Только-что купилъ онъ дестъ бумаги и сѣлъ за свю работу, какъ вдругъ совершенно забылъ: въ какой наукѣ встрѣчается слово „синтаксисъ“—въ міѳологіи или географіи, какой поэтъ жилъ раньше—Пушкинъ или Вергилій, и который изъ нихъ написалъ „Мертвыя души“? Разсердившись, что онъ получитъ аттестатъ зрѣлости черезъ такое короткое время, что не успѣетъ повторить всѣхъ этихъ вещей, нашъ философъ изорвалъ въ клочки всю дестъ, выпилъ залпомъ стаканъ холодной воды и рѣшилъ осчастливить подрастающее поколѣніе другимъ способомъ. Плодомъ его творческихъ думъ и явился предлагаемый „Катехизисъ гимназиста“.

В. Каково происхожденіе слова „гимназія“?

О. Слово это состоитъ изъ двухъ частей: „гимнъ“ и „Азія“, т. е. гимнъ Азіи; происхожденія это слово древняго, а у древнихъ Азія считалась страной лѣни; значить, „гимнъ странѣ лѣни“, короче—„гимнъ лѣни“. Съ дѣйствительностью вполне согласуется.

В. Что такое гимназія?

О. Гимназія есть такое зданіе, куда ученики утромъ входятъ и въ которомъ проводятъ 5 часовъ, смотря по темпераменту: одни дремлютъ, другіе бѣгаютъ, третьи поютъ, четвертые дебоширятъ; всѣ вмѣстѣ—устраиваютъ своего рода конкурсъ: кто больше и лучше обманетъ преподавателей.

В. Чѣмъ пользуется вигравшій этотъ конкурсъ?

О. Лучшей отмѣткой въ свидѣтельствѣ.

В. Почему преподаватели позволяют себя обманывать?

О. Потому что это для нихъ гораздо спокойнѣй, чѣмъ доискиваться правды.

В. Какое самое необходимое условіе быть гимназистомъ?

О. Форменный костюмъ и форменная фуражка.

В. Въ чемъ заключается основная цѣль гимназій?

О. Въ выдачѣ аттестата.

В. Какой-бы смыслъ имѣла гимназія, если-бы у нея отнять право выдачи аттестатовъ?

О. Рѣшительно никакого.

В. Въ чемъ главная разница между прежней системой экзаменовъ и нынѣшней „безэкзаменной“?

О. Въ томъ, что прежде ученики иногда обнаруживали свое незнаніе на экзаменѣ, теперь же эти незнанія маскируются словомъ „удовлетворительно“.

В. Въ чемъ различіе между прежней „двойкой“ и нынѣшнимъ „неудомъ“ (терминологию заимствую изъ статьи „Репетиторъ и ученикъ“)?

О. Въ томъ, что слово „два“ звучитъ грубо, рѣжетъ слухъ и наводитъ на непріятныя размышленія, слово же „неудъ“—ново, нѣжно и доказываетъ несомнѣнный прогрессъ педагогической мысли.

В. Въ чемъ мы видимъ прогрессъ ученической мысли?

О. Въ томъ, что репетиторы берутъ вдвое дороже, чѣмъ въ прошломъ году.

В. Въ чемъ заключается различіе между подстрочникомъ и письменнымъ переводомъ ученика?

О. Въ тѣхъ опискахъ, какія ученикъ дѣлаетъ при переписываніи.

В. Въ чемъ главное различіе между ученикомъ 1-го и 8-го класса?

О. Въ способъ выраженія своихъ мыслей: учен. 1-го кл. говоритъ: „я ничего не знаю“, а уч. 8-го кл.—„я знаю, что ничего не знаю“.

В. Какъ можно назвать тетрадь для классныхъ работъ по математикѣ?

О. Могилой, гдѣ поставленъ крестъ надъ наиболѣе сладкими мечтами и самыми смѣлыми полетами фантазіи ученика.

В. Что такое „классная по математикѣ“?

О. Наиболѣе сильнодѣйствующее средство для превращенія самаго свѣтлаго идеалиста въ разочарованнаго романтика.

В. Въ чемъ спасеніе отовѣчающаго у доски?

О. Въ хорошемъ слухѣ. Грубой ошибкой было бы думать, что—въ знаніи, потому что таковое въ настоящее время считается археологической рѣдкостью.

В. Что преподаватели предпринимаютъ для повышенія уровня знаній у учащихся?

О. Созывы Педагогическихъ Совѣтовъ.

В. Чѣмъ отражаются на учащихся эти Педаг. Совѣты?

О. Тѣмъ; что ученики терпѣливо выслушиваютъ постановленія этихъ Совѣтовъ обязательно въ двухъ редакціяхъ.

В. Почему иногда встрѣчаются преподаватели, требующіе отъ учениковъ знаній?

О. Потому что нѣтъ правилъ безъ исключеній.

В. Чѣмъ реагируютъ ученики на требованіе знаній со стороны такихъ преподавателей?

О. Обструкціями всевозможныхъ родовъ.

В. Чѣмъ это объясняется?

О. Крайней неразвитостью учениковъ.

В. Можно-ли, при существующихъ условіяхъ, требовать большаго развитія?

О. Очень мудрено.

В. Почему?

По нѣкоторымъ цензурнымъ соображеніямъ, вопросъ этотъ остается безъ отвѣта.

В. Каково нормальное пребываніе въ гимназій типичнаго гимназиста?

О. Отъ 10 ти до 12-ти лѣтъ.

В. Почему учащіеся не оставляются на третій годъ?

О. Потому что желающихъ было-бы слишкомъ много, и въ классахъ не было бы мѣста для первоходниковъ.

В. Какой предметъ проходится въ гимназій наиболѣе совершенно?

О. Ничегонедѣланье.

В. Во что-же, въ такомъ случаѣ, гимназія превратитъ своихъ питомцевъ?

О. Въ будущихъ „общественныхъ дѣятелей“.

В. Какая главная разница, въ отношеніи предметовъ, между мужской и женской гимназіей?

О. Та, что гимназистка говоритъ: „Я не изучаю французскаго, нѣмецкаго и латинскаго языковъ, потому что эти предметы для насъ, гимназистокъ, необязательны“; гимназистъ-же: „Я изучаю эти предметы не менѣ 7-ми лѣтъ каждый“, а между тѣмъ результаты совершенно одинаковы.“

ЭПИЛОГЪ.

Къ счастью для долготерпѣнія читателей, чудакъ философъ заканчивается на этомъ свой „Катехизисъ гимназиста“, потому что какъ-разъ въ то время, какъ писались имъ послѣднія строчки, онъ вдругъ вспомнилъ, что раньше Пушкина и Вергилія жилъ баснописецъ Лермонтовъ, написавшій „Мертвыя Души“. И вотъ мой философъ рѣшилъ сдѣлать то, чего до него никто въ мірѣ не дѣлалъ, и тѣмъ самымъ на вѣки прославить свое имя—онъ задумалъ написать двухтомное изслѣдованіе отношенія Чичикова къ астрономіи и палеонтологіи.

Въ виду его упорнаго нежеланія подписать свое имя, волей-неволей пишу свое.

В. Кейль.

== РОДИНА. ==

Люблю я родину святую,
Люблю я всей своей душой
И за отчизну дорогую
Готовъ стоять я головой.

Я не забуду тѣ поля,
Гдѣ протекли молодые годы,
Рождались свѣтлыя мечты,
Рождались первыя тревоги.

Въ тотъ чудный край зоветъ былое,
Воспоминанье лучшихъ дней;
Все въ жизни свѣтлое, родное—
Среди лѣсовъ, среди полей.

О, пусть съ Россіей будетъ вѣчно
Святая Бога благодать,
И счастье, радость бесконечно
Съ народомъ будутъ пребывать!

И я привѣтъ тебѣ сердечный
Шлю, моя милая страна:
Цвѣти со славой бесконечной,
Россія—родина моя.

Nemo.

Моя поѣздка на Кавказъ.

Б. Давидовъ. ————— (Изъ лѣтнихъ воспоминаній).
(Окончаніе).

VI.

Прошло не больше двѣдцати минутъ, какъ мы подъѣхали къ Чертову мосту. Признаться, я ожидалъ большаго, чѣмъ мнѣ пришлось увидѣть. Я ожидалъ увидѣть узенькій мостикъ, переброшенный черезъ глубокую пропасть, на днѣ которой боролся съ стѣсняящими его горами бурный Терекъ. Однако дѣло обстоитъ гораздо проще. Въ этомъ мѣстѣ Военно-Грузинская дорога переходитъ съ праваго берега Терека на лѣвый; поэтому здѣсь переброшенъ желѣзный мостъ съ дугообразными перилами, какъ и въ желѣзнодорожномъ. Шумъ и тамъ не умолкаютъ ни на минуту: неугомонный Терекъ бьется съ давящими его въ узкомъ ущельи горами, вырываетъ камни и мчитъ ихъ вдаль, туда, гдѣ, уже выйдя изъ горъ, несравненно тише несетъ свои мутныя воды. Мостъ дрожитъ, хотя и не имѣетъ ни одной сваи, такъ какъ малѣйшую попытку поставить такія Терекъ, навѣрное, не потерпѣлъ бы, и черезъ часъ остались бы лишь жалкіе обломки, какъ результатъ борьбы челоѣка съ могучей разъяренной природой. Теперь уже дорога сузилась, да и вообще само ущелье здѣсь уже, чѣмъ гдѣ-либо дальше. Невыносимая жара уже перестала меня мучить, и я теперь преудобно усѣлся внутри омнибуса, куда меня пригласили студенты. Напротивъ сидѣли два осетина и молча насъ осматривали своимъ пристальнымъ взглядомъ, какъ бы чувствуя свое азіатское преимущество надъ пришельцами-русскими. Одному студенту, повидимому, не понравилось это упорное молчаніе туземцевъ и безпардонное наблюденіе за каждымъ нашимъ движеніемъ, и онъ обратился къ осетину. „Ты на зурка играешь?“ — „Нэ—этъ“, флегматично протянулъ осетинъ: „я толко на труба и на балалайкамъ играй.“ Тогда студентъ попросилъ у кондуктора сигнальный корнетъ и далъ ему—играй, молъ, „душа мой“, покажи, что и ты живое существо. Осетинъ взялъ нерѣшительно корнетъ, и лицо его расплылось въ довольную улыбку:

„Гы—гы—гы! Я нэ на такой труба играй!“—„Ничего, дуй въ нее“, утѣшали мы его. Но какъ мы потомъ раскаиивались въ своихъ словахъ! Дѣло въ томъ, что осетинъ сначала стѣснялся, но потомъ сталъ чувствовать себя свободнѣе и выдувалъ въ трубу такія симфоніи, что, казалось, сотня котовъ была придавлена за хвостъ, получивъ при этомъ порядочную затрещину мокрымъ полотенцемъ.

Сегодня была солнечная погода, и надъ нашими головами было ясное лѣтнее небо. Вдругъ изъ этого безоблачнаго неба пошелъ дождь, да еще такой проливной, что я еле успѣлъ накинуть плащъ и все не могъ понять—что сей сонъ значить? Однако подобное явленіе бываетъ очень часто: такъ какъ ущелье сравнительно съ небеснымъ куполомъ „довольно“ узко, и со дна его видна только небольшая часть неба, то туча, скрывшаяся за вершиной горы, льетъ дождь, а вѣтеръ, который свободно разгуливаетъ на вершинахъ горъ, относитъ брызги въ сторону, почему и получается дождь безъ тучъ. Дѣйствительно, когда мы проѣхали нѣсколько впередъ, то сзади была видна небольшая тучка, которая такъ безцеремонно облила насъ. Ущелье начало понемногу расширяться: видно было, мы приближались къ концу Дарьяла. Вотъ, выдвинувшись впередъ, стоитъ скала, съ которой въ прошломъ году сорвалась богатая и красивая московская курсистка. „И для чего было ей ѣхать въ этотъ суровый, но вмѣстѣ съ тѣмъ прелестный своей суровостью Кавказъ?“ мелькнула у меня мысль: „жила бы спокойно въ этой патріархальной Москвѣ, и не было бы ни крови ни слезъ.“ Но жажда познать великую природу, жажда ближе съ ней познакомиться тянетъ на эти грозныя крутизны, на вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, на ледники, гдѣ вмѣстѣ и страшно и пріятно.

Дальше на нашемъ пути встрѣчается казацкая крѣпостца—память покоренія Кавказа; впрочемъ, тамъ и сейчасъ живутъ донскіе казаки. Ущелье между тѣмъ кончилось, и мы по такому же Чертову мосту снова переѣхали на правый берегъ Терека. Теперь дорога пошла значительно вверхъ. Зигзагами, поворотами она вьется куда-то выше и выше, и только Терекъ, нашъ спутникъ въ Дарьялѣ, остался гдѣ-то тамъ внизу. Съ одной стороны дороги возвышается отвѣсная стѣна горъ, съ другой открывается обрывъ къ Тереку, превращающійся потомъ въ форменную пропасть. Отъ обрыва дорогу отгораживаютъ прерывающіяся все время стѣнки, которыя ничего не стоитъ переступить ногой, а даже плохонькой лошади достаточно испугаться часто проѣзжающихъ автомобилей, чтобы „лѣѣй, лѣѣй и съ возомъ бухъ!!!“ но только не въ канаву, а пропасть, гдѣ ужъ не такъ трудно изорвать объ острые камни свое брѣнное тѣло.

Но вотъ на значительной высотѣ, съ которой Терекъ кажется синеватой ниткой и не слышно его вѣчнаго шума, свѣсилась знаменитая скала „Пронеси, Господи!“ Именно, „Пронеси, Господи!“ потому что, когда проѣзжаешь здѣсь, то буквально находишься подъ ея покровомъ, и рано или поздно эта глыба, образующая скалу, сорвется и похоронитъ подъ собой все живое, что въ этотъ моментъ подъ ней окажется. Но все же, какъ ни грозенъ видъ этого природнаго колосса, не испытываешь совершенно какого-бы то ни было страха: наоборотъ, съ такимъ любопытствомъ разсматриваешь эту скалу и невольно восхищаешься ея величіемъ. Дальше дорога идетъ все вверхъ. Подымаясь все выше и выше, мы часамъ къ тремъ пріѣхали къ Казбеку. Здѣсь горы образуютъ небольшую котловину, въ которой расположено селеніе Казбекъ; оно довольно большое: есть православная церковь, два отеля, съ проводниками и довольно порядочно домовъ. Зато растительность здѣсь очень скудная: у ногъ кое-гдѣ есть еще зеленая низкая трава, что же касается деревьевъ или какихъ-нибудь кустарниковъ, то—„отказать“. Глаза мои разбѣжались, когда мы пріѣхали во дворъ казенной гостиницы. Куда итти—или осмотрѣть селеніе, или пойти дальше по дорогѣ, или какъ-нибудь пробраться къ подошвѣ Казбека, или же взобраться на вершину горы, на которой выстроена грузинская церковь св. Нины? Я посоветовался о выборѣ со студентами, какъ болѣе меня знакомыми съ этой мѣстностью, и остановился на послѣднемъ. Но какъ итти? У подошвы горы лежитъ аулъ, и я не вижу ни одной дорожки, могущей меня привести на вершину.

Благодаря студентамъ я нашелъ себѣ проводника—мальчишку-грузина. Я распрощался съ моими случайными знакомыми-студентами и „рыцаремъ“-кондукторомъ, поблагодаривъ его, какъ водится, троячкой, и пошелъ со своимъ проводникомъ въ аулъ. Только мы вошли на первую улицу, насъ со всѣхъ сторонъ обступили грузинскіе мальчишки. „Баринъ, а баринъ, купы мѣднѣй руда!“ кричали одни; „вотъ тѣбѣ сѣрный калчаданъ, купы его,“ кричали другіе. Я купилъ нѣсколько камешковъ, но такъ какъ продавцы были неугомонны, то я внушительно потрясъ палкой и бисто пошелъ впередъ. Мы, наконецъ, выбрались изъ этого гнѣзда грязи и нечистоплотности и стали подыматься на гору. Я скоро почувствовалъ усталость и присѣлъ отдохнуть. Тутъ только вспомнилось, что съ утра я еще ничего не ѣлъ, такъ какъ множество впечатлѣній совершенно затмили собою чувство голода, да и ѣсть-то до сихъ поръ было некогда; поэтому, доставъ свою провизию, я началъ ее прилежно уничтожать. Однако итти потомъ было еще

тяжелѣе. Около часу мы добрались до вершины. Мой проводникъ такъ быстро семенялъ ногами, что я еле за нимъ поспѣвалъ, но, наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ мы подошли къ церковнымъ дверямъ. Пожилой староста-грузинъ съ серьезнымъ, умнымъ взглядомъ предложилъ мнѣ осмотрѣть храмъ. Я пожертвовалъ нѣсколько монетъ и вошелъ. Мнѣ казалось, что я переступилъ порогъ вѣковъ и перенесся въ глубокую старину. Каменный, сырой полъ, такія-же стѣны, низкій куполъ и почти отсутствіе дневного свѣта, такъ какъ окна были гдѣ-то вверху, да и то маленькія, невольно уносили меня въ первую эпоху христіанства. Да и не мудрено, такъ какъ, по словамъ старосты, храму уже около полуторы тысячи лѣтъ. Я детально осмотрѣлъ этотъ памятникъ далекаго прошлаго и вышелъ. Едва я только показался на крошечномъ погостѣ, какъ меня обступили человѣкъ десять грузинъ, приглашая непременно съ ними закусить. Дѣлать нечего: я вспомнилъ, что отказъ отъ ѣды у горцевъ—кровная обида, и сѣлъ за импровизированный столъ, представлявшій собою длинную доску на двухъ пенькахъ. Всѣ грузины разсѣлись, а грузинки, которыя, кстати, были довольно красивы, остались у колокольни, съ удивленіемъ меня разсматривая, какъ будто я упалъ съ Марса. Мои хозяева непрерывно предлагали сыръ, барашка и пироги; но вдругъ потянулась ко мнѣ чья-то могучая рука со стаканчикомъ араки,* я моментально почувствовалъ себя „въ своей тарелкѣ“ и, послѣ необходимыхъ въ такихъ случаяхъ тостовъ, опрокинулъ „влагу“ въ ротъ. Однако потчеваніе этимъ не ограничилось, и стаканчики одинъ за другимъ изъ разныхъ рукъ тянулись ко мнѣ. Грузины любятъ поговорить; они разспрашивали меня о военныхъ дѣйствіяхъ, и такъ какъ языкъ мой послѣ араки чувствовалъ себя свободно, то я подробно описывалъ имъ наступленіе и успѣхи Брусилова. Много еще мы говорили на разныя темы: то они мнѣ рассказывали о своей простой, привольной жизни, то удивлялись, какъ я узналъ о существованіи Кавказа, горы Казбекъ и т. п., но мнѣ было пріятно сидѣть съ этими простыми, наивными дѣтьми, въ которыхъ на могучихъ лицахъ просвѣчивалась доброта и дружелюбіе. Подъ конецъ пиршества грузины запѣли, но это было что-то заунывное, однообразное. Поблагодаривъ за пріемъ, я, воспользовавшись предложеніемъ старосты, поѣхъ на колокольню, съ которой великолѣпно видны всѣ окрестныя горы. Мои глаза устремились на Казбекъ, который былъ отсюда совсѣмъ близокъ, но сегодня на Казбекъ было что-то необыкновенное: густая снѣжная мгла, напомина-

*) грузинская водка.

ющая собою страшную мять, окутывала до половины гору и скрывала вершину. Казбекъ злился, злился на этого ничтожнаго въ сравненіи съ нимъ человѣка, который посягнулъ на недоступность его вершины, протаптывая тропинку среди блестящей бѣлизны вѣчныхъ снѣговъ, сталъ сверлить горныя нѣдра и прокладывать дороги черезъ непроходимыя скалы. Невольно вспоминаются слова Лермонтова:

„И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари орлы.“

Неужели всѣ эти горы, эти снѣга, эти небольшие ручьи и прекрасное голубое небо явились только лишь продуктомъ безконечной міровой эволюціи? подумалъ я. Неужели полторы тысячи лѣтъ тому назадъ всего лишь пустая фантазія и иллюзіи заставили людей для этой церкви таскать камни, которыхъ нѣтъ на сорокъ верстъ въ окружности? Неужели? Нѣтъ, не нужно сомнѣній: эта природа, великій храмъ вселенной, въ каждомъ своемъ проявленіи говоритъ о Томъ, Кто сотворилъ весь міръ и заповѣдалъ людямъ быть братьями.

Я долго любовался въ бинокль гнѣвомъ разъяренной стихіи и не могъ оторваться; казалось, она приковала къ себѣ мой взглядъ, но, наконецъ, спряталъ бинокль и спустился внизъ, гдѣ меня ожидалъ мой проводникъ. Я еще разъ поблагодарилъ грузинъ и началъ сходить съ горы. Но спускъ былъ совсѣмъ иное, чѣмъ подъемъ: мелкіе камни постоянно расходились подъ ногами, и тяжесть тѣла тянула внизъ, а главное-хмель уже началъ давать себя чувствовать. Существуетъ поговорка: тяжелъ путь пьянаго человѣка ночью, но я бы не скасалъ, что легко пьяному сходить съ горы—возможность упасть и свалиться на плоскія крыши грязнаго аула, который чуть былъ виденъ у моихъ ногъ, еще заставляла голову быть болѣе или менѣе благоразумной и не говорить лишняго, зато ногамъ не внушишь ничего, и онѣ, какъ чужія, расходятся въ разныя стороны, и всему туловищу приходится нелегко.

Какъ ни лавировалъ я между неустойчивыми мѣстами узкой тропинки, а все-таки разъ не удержался и упалъ. да, благо еще, не въ обрывъ, а то и не знаю, пришлось ли бы моимъ милымъ читателямъ

почитывать „Мою поѣздку на Кавказъ.“ Тропинка стала болѣе покатой, и гора приближалась къ концу. „Ты нарзанъ хатышь пыть?“ спросилъ меня проводникъ.—„Ага, источникъ есть! ну, води меня скорѣе къ нему!“—„А ты сколько, мнѣ дашь за это?“—„Ахъ ты ишакидзе!“ набросился на него я: „содралъ съ меня за эту утомительную прогулку полтора рубли и еще просишь? Нѣтъ ужъ, води скорѣй къ нарзану!“ Мальчишка былъ, повидимому, недоволенъ, что нагадалъ мнѣ на свою голову этотъ проклятый нарзанъ; но что же дѣлать? какъ ни какъ, а за какихъ-нибудь четыре часа ходьбы получить полтора рубли тоже не дурно. Мы шли еще версты двѣ въ сторвну, пока наконецъ достигли источника. Здѣсь нѣтъ ни курзала, ни даже какого-нибудь навѣса. У подошвы горы бьетъ ключомъ цѣлебный нарзанъ. Можетъ быть, эта простота и отсутствіе какой бы то ни было искусственности и сообщаютъ пріятный вкусъ нарзану, т. к. нигдѣ ище не казался онъ мнѣ такимъ хорошимъ, какъ здѣсь. Я пилъ, пилъ и очень жалѣлъ, когда напился, что не хотѣлось больше. Какъ ни хорошо здѣсь было, а все-таки нужно было итти, такъ какъ уже темнѣло, да и до отеля было по крайней мѣрѣ версты двѣ. Истомленный ходьбой, заботами и впечатлѣніями дня, я стремился къ желанному отдыху. Все было кругомъ тихо и прекрасно: свободно дышалось чистымъ воздухомъ, взоръ ласкали живописные ландшафты, и до слуха доносился отдаленный рокоть Терека; все таки я невольно вспомнилъ свою родную Малороссію, и меня неудержимо потянуло туда, къ этимъ бѣлымъ хатамъ съ вишневыми садиками и низкимъ плетнемъ, къ широкимъ роднымъ полямъ, къ лиственнымъ лѣсамъ, гдѣ такъ тихо и спокойно течетъ по намѣченному уже руслу человѣческая жизнь, не испытывая ни шумнаго блеска славы, ни горькаго разочарованія, ея неизбежнаго спутника.

Я пришелъ въ отель, выпилъ чаю, и т. к. на дворѣ поднялась буря, то мнѣ пришлось уйти съ террасы въ свой номеръ, гдѣ я занялся дорожнымъ дневникомъ.

VII.

Четыре или пять слѣдующихъ дней я провелъ во Владикавказѣ. Дѣлать было особенно нечего, и я безцѣльно бродилъ по городу, заходя иногда на „Гирекъ“ ѣсть мороженое и смотрѣть на Терекъ. На пятый день я окончательно рѣшилъ ѣхать въ Кисловодскъ и Пятигорскъ, чтобы оттуда отправиться уже домой.

VIII.

Сейчасъ восемь часовъ утра. Я выхожу изъ дачнаго поѣзда, который только что подошелъ къ Кисловодску. На перронѣ толчется масса публики; но это уже не яркая смѣсь кавказскихъ народностей, какую я видѣлъ на „Бесланѣ“, „Владикавказѣ“ и другихъ станціяхъ,— это типичная европейская толпа разряженныхъ дамъ и франтоватыхъ мужчинъ, которая, неизвестно почему, волнуется и куда то стремится. Изъ нихъ большая часть—больные, пріѣхавшіе лѣчиться отъ полноты, туберкулеза, а иные отъ скуки и пустоты жизни, если въ карманѣ водятся лишнія тысячи. Я отправился въ курзалъ, куда стремятся всѣ пріѣзжающіе въ Кисловодскъ. Городъ небольшой, но чистый и уютный. Увидѣвъ трамвайныя рельсы, я рѣшилъ, что онѣ, очевидно идутъ къ курзалу, и, когда какой-то дворникъ подтвердилъ мои мысли, сказавъ, что это дорога „къ нарзану“, я взялъ направленіе и ускорилъ шаги. Но каково же было мое разочарованіе, когда черезъ часъ ходьбы я очутился среди навозныхъ кучъ и мусорныхъ ямъ, а рельсы вошли въ какія-то ворота, за которыми виднѣлось простое темное зданіе, о которомъ и слѣпой бы сказалъ, что это не курзалъ. Нарзанъ-то, какъ оказалось, тутъ былъ, но онъ уже стоялъ, разлитый въ бутылки и готовый для отправки въ Россію. Что же касается курзала, то онъ находился на противоположной сторонѣ города. Скрѣпя сердце, я прошелъ вновь весь городъ и, наконецъ, добрался до знаменитаго курзала. Та же шумная, мятущаяся толпа, во всемъ своемъ различіи типовъ, показала мнѣ снова. Я былъ ошеломленъ звуками симфонической музыки, говоромъ тысячи людей и всей этой атмосферой моднаго курорта. Пройдя по тѣнистымъ аллеямъ сада, я взошелъ на гору, до половины которой были посажены сосны и разбиты цвѣтники.

Съ вершины этой горы открывалась чудная панорама Кисловодска, а на западѣ возвышался двуглавый Эльбъ-усъ. Я не могу забыть кисловодскаго воздуха, подобнаго которому я еще никогда не встрѣчалъ. Какъ-то свободно дышала здѣсь грудь; манило забыть весь шумъ житейской суеты и погрузиться въ созерцаніе этой торжествующей природы; внизу, въ паркѣ играла музыка, и ея звуки доносились до меня; я узналъ знакомую мнѣ „Травіату“, которую такъ часто играли въ Ахтыркѣ. Все же мнѣ пришлось оторваться отъ дивной гармоніи звуковъ великолѣпной оперы и подумать о дальнѣйшемъ: оставаться въ Кисловодскѣ на ночь было невозможно, т. к. всѣ гостиницы были давно уже переполнены; нужно было сегодня же осмотрѣть и Пяти-

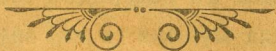
горскъ. Я спустился внизъ, выпилъ у источника нарзана и пошелъ на станцію. Такъ какъ дачные поѣзда идутъ здѣсь черезъ каждые полчаса, то мнѣ не пришлось долго ждать, и вскорѣ я уже мчался въ Пятигорскъ. Жизнь моя шла сегодня полнымъ темпомъ: я не думаю о вечерѣ, о завтрашнемъ утрѣ, не вспоминалъ и вчерашняго, я старался взять сегодня отъ жизни все, что она могла мнѣ дать въ данную минуту. Мнѣ пришлось осмотрѣть за одинъ день два прекраснѣйшихъ уголка Предкавказья, и я утилизировалъ каждую минуту. Жизнь каждого такова, что, будучи молодымъ, онъ мечтаетъ о будущемъ, пожалуй, даже о „благородной дѣятельности“, „вѣчной любви“ и т. п.; онъ все полагаетъ на будущее, а въ будущемъ онъ скажетъ: „прошли мои красные дни, теперь-что! Эхъ, куда вы скрылись, дни молодости?“ Резюмируя, я привожу извѣстный афоризмъ: молодость живетъ будущимъ, старость прошедшимъ, но ни та ни другая не живетъ настоящимъ. Если бы мы каждую минуту сознавали, что „время обжить, смерть не ждетъ“, и жили бы полною настоящею жизнью, мы, можетъ быть, были бы счастливѣе.

Я осмотрѣлъ Пятигорскъ, въ которомъ жилъ св. и послѣдніе годы и умеръ нашъ великій поэтъ Лермонтовъ. Мнѣ стало грустно; было какъ то непонятно, чтобы такой великій поэтъ, создавшій столько прекрасныхъ, искреннихъ стиховъ, могъ быть такимъ несимпатичнымъ бреттеромъ и тяжелымъ человѣкомъ общества.

Я осмотрѣлъ его домикъ-музей, гротъ и въ шесть часовъ вечера былъ на вокзалѣ. На мое счастье, опять не пришлось долго ждать, и черезъ двадцать минутъ я уже сидѣлъ въ поѣздѣ, который уносилъ меня на сѣверъ, въ милую Ахтырку, съ которой связано такъ много дѣтскихъ и юношескихъ воспоминаній, гдѣ такъ тихо и плавно до сихъ поръ катились дни за днями, и не чувствовался еще холодъ человѣческой жизни.

Б. Давидовъ.

К о н е ц ъ .

☆☆☆ 1916 ГОДЪ. ☆☆☆

Прошелъ и этотъ годъ Касьяновъ,
Годъ високосный, съ лишнимъ днемъ.
Скорѣй забудемъ мы о немъ;
Не мало было въ немъ изъяновъ.
Желаній лучшихъ всего міра
Прошедшій годъ не оправдалъ;
Не много радостей онъ далъ,
Свирѣпость не прервалъ намъ пира;
Кровавыхъ рѣкъ на полѣ бранномъ
Прошедшій годъ не осушилъ,
Враговъ надменныхъ не лишилъ
Порывовъ въ увлеченіи странномъ;
Онъ не отеръ сиротскихъ слезъ,
Не прекратилъ людскихъ страданій
И. голосу не внялъ рыданій,
Не оживилъ о счастье грезъ;
Не много сдѣлалъ онъ, мелькнувшій
Во тому вѣковъ, печальный годъ.
Не успокоилъ онъ народъ,
Въ волнахъ печали потонувшій.
Прощай, не давшій намъ отрады!
Въ туманѣ вѣчности сѣдой
Себя отъ насъ навѣки скрой,
Не жди отъ внуковъ ты награды.

Петръ Пашенко.

С. Я. Надсонъ.

(Къ 30-лѣтію со дня кончины его).

„Я чувствую и силы и стремленье
Служить другимъ, бороться и любить;
На ихъ алтарь несу я вдохновенье,
Чтобъ въ трудный часъ ихъ пѣсней ободрить.
Но кто пойметъ, что не пустые звуки
Звенятъ въ стихъ неопытномъ моемъ,—
Что каждый стихъ-дитя глубокой муки,
Рожденное въ раздумьѣ роковомъ;
Что каждый мигъ святого вдохновенья
Мнѣ стоилъ слезъ, не видныхъ для людей,
Нѣмой тоски, тревожнаго сомнѣнья
И скорбныхъ думъ въ безмолвіи ночей?“

Надсонъ.

19 го января сего года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти Семена Яковлевича На сона, талантливого и популярнаго нашего поэта 80-хъ годовъ.

Кто не читалъ, кто не увлекался, кто не любитъ стиховъ Надсона, отличающихся изяществомъ формы, разнообразіемъ сюжетовъ, глубиной и искренностью чувства, силою и красотою образовъ?

Надсонъ родился въ Петроградѣ 14-го декабря 1862 года, въ бѣдной семьѣ. Когда ребенку исполнился годъ, мать переселилась съ нимъ въ Кіевъ, а черезъ годъ послѣ этого умеръ отъ психическаго разстройства отецъ поэта (служившій на западной окраинѣ).

Со смертью отца въ семью вкралась нужда, которая увеличивалась все болѣе и болѣе.

Мать поэта Антонина Степановна (изъ дворянской семьи Мамантовыхъ), оставшись послѣ мужа безъ всякихъ средствъ съ двумя дѣтьми,—будущимъ поэтомъ и сестрой его Анной, сначала жила въ Кіевѣ гувернанткой, а потомъ возвратилась въ Петроградъ и поселилась у своего брата Д. С. Мамантова. Чрезъ нѣкоторое время мать

поэта вышла вторично замужъ за Н. Г. Омина и уѣхала съ нимъ въ Кіевъ. Бракъ этотъ былъ очень несчастливъ: мужъ ея въ припадкѣ умопомѣшательства повѣсилъ, оставивъ семью совершенно безъ всякихъ средствъ. Несчастливая женщина снова переѣхала съ дѣтьми въ Петроградъ и тамъ начала заниматься въ школѣ своей сестры.

Вскорѣ послѣ этого Антонина Степановна, еще молодая, 31 года, скончалась. Будущему поэту не было и десяти лѣтъ, когда онъ остался круглымъ сиротой, попавъ въ семью своего дяди Мамантова.

Надсона, по настоянію дяди, опредѣлили во 2-ую Петроградскую военную гимназію на казенный счетъ. Учился онъ довольно хорошо, сильно увлекался чтеніемъ. Стихи началъ писать съ девятилѣтняго возраста, а пятнадцати лѣтъ онъ уже сознательно рѣшилъ посвятить себя поэзіи. Потерявъ очень рано родителей и испытавъ вмѣстѣ съ своей сестрой нужду и горе, Надсонъ почувствовалъ потребность изливать на бумагѣ свои мысли и чувства.

Въ концѣ ноября 1878 года Надсонъ познакомился съ сестрой своего товарища.—Наташей Дешевой и влюбился въ нее. Нѣжная первая любовь къ этой дѣвушкѣ охватила юную душу поэта. Но недолго это свѣтлое чувство озаряло поэта: въ мартѣ 1879 года Наташа умерла. Эта смерть произвела на Надсона сильное впечатлѣніе, что выразилось въ его стихъ. „Любили-ль вы, какъ я“, „Я вновь одинъ“ и др. Весной того же года Надсонъ окончилъ гимназію, а затѣмъ, по желанію дяди, поступилъ въ Павловское военное училище. Здѣсь онъ вскорѣ простудился и, пролежавъ довольно долго въ училищномъ лазаретѣ, былъ отправленъ на Кавказъ. Вернувшись осенью 1880 года, поэтъ опять поступилъ въ Павл. уч., гдѣ и провелъ два года. Находясь въ этомъ училищѣ, онъ писалъ много стиховъ, которые печатались въ различныхъ журналахъ. Въ этотъ періодъ времени онъ познакомился съ Ал. Ник. Плещеевымъ, который оказалъ на него большое вліяніе.

7-го августа 1882 года Надсонъ былъ произведенъ въ офицеры и отправился въ свой полкъ, находившійся въ Кронштадтѣ. Здѣсь онъ прослужилъ около 2-хъ лѣтъ, и къ этому времени принадлежать многія изъ лучшихъ его стихотвореній, а также переводы. Весной 1884 г. онъ рѣшилъ оставить военную службу и подалъ въ отставку. Затѣмъ онъ былъ въ Петроградѣ секретаремъ редакціи „Недѣля“.

Въ октябрѣ того же года развивавшаяся его болѣзнь приняла серьезный характеръ, и онъ долженъ былъ уѣхать за границу, сначала во Францію, потомъ въ Швейцарію. По возвращеніи въ Россію онъ сначала жилъ въ деревнѣ у одного знакомаго, въ Подольской губ., затѣмъ въ Кіевѣ.

Почти умирающаго поэта перевезли въ Ялту, гдѣ онъ и скончался 19 янв. 1887 года, 24 лѣтъ.

Тѣло его было перевезено въ Петроградъ. Похороненъ онъ на Волковомъ кладбищѣ,—недалеко отъ могилы Бѣлинскаго.

Каждый годъ въ день смерти поэта является молодежь къ могилѣ Надсона поклониться его свѣтлой памяти. Теперь же, повторяю, исполнилось 30 лѣтъ со дня смерти этого поэта, являющагося вѣчнымъ кумиромъ молодежи.

И. Шатанько.

 З И М А

Скованы воды морозомъ,
Скована вся имъ земля;
Снѣгомъ прекрасно-сребристымъ
Покрылись луга и поля.

Веселье повсюду исчезло,
Жизнь прекратилась совсѣмъ,
Все покорилося природѣ:
Зима торжествуетъ надъ всѣмъ.

Деревья покрылись всѣ снѣгомъ
И въ этомъ нарядѣ сверкаютъ,
Снѣжинки на вѣткахъ отъ солнца,
Какъ яркія звѣзды, сіяютъ.

А лѣсъ за рѣкою какъ дивно стоитъ!
Какъ сильно засыпанъ онъ снѣгомъ!
На вѣткахъ, стволахъ снѣгъ клочками виситъ
И, будто горами, въ просѣкахъ лежитъ.

Н. Бурдунъ.

Гипотезы о наличности живыхъ существъ на планетахъ.

Д. С-ы.

Еще издревле человекъ сталъ посматривать на звѣздное небо и задавалъ себѣ вопросъ: что это такое? Пока не существовало для наблюдений за звѣздами никакихъ аппаратовъ, и поле наблюдений было слишкомъ ограничено, считали, что всѣ звѣзды прикрѣплены къ небесному своду; разбивали ихъ на созвѣздія, давали имъ названіе, которыя существуютъ и въ настоящее время. Съ изобрѣтеніемъ лупъ, а за тѣмъ сильно увеличивающихъ телескоповъ, удалось открыть, что звѣзды эти движутся вокругъ какого-то центра, что онѣ не есть точки, но огромнѣйшія тѣла, во много разъ превосходящія нашу планету.

И вотъ путемъ наблюдений и изслѣдованій, съ помощью спектральнаго анализа пришлось убѣдиться въ характерѣ поверхности, объемѣ и физическомъ составѣ того или другого свѣтила, но человеческій умъ и фантазія этимъ не довольствуются. Астрономы-фантасты постарались заселить видимыя нами планеты живыми и даже разумными существами.

Рядомъ съ астрономіей математическою и астрономіей физическою, составляющими главнѣйшія основы міровѣдѣнія, существуетъ то, что можно было бы назвать умозрительною астрономіей. Происходя изъ 2-хъ первыхъ, послѣдняя иногда превосходитъ ихъ смѣлостью своихъ взглядовъ и громадностью замысловъ.

Первыя 2, т. е. астрономія математическая и физическая, ограничиваются и опредѣляются извѣстнымъ порядкомъ вычислений и наблюдений, и вторая можетъ выходить изъ предѣловъ и устанавливать эмпирическіе законы, подтвердившіеся потомъ опытомъ. Идущій этимъ путемъ астрономъ либо изслѣдователь долженъ остерегаться большой опасности, а именно: не заходить слишкомъ далеко въ область промыва; даже въ предположеніяхъ своихъ онъ долженъ руководиться фактами, не отрѣшаясь отъ духа науки.

* *
*

Было бы любопытно знать, какой строй понятій можетъ и долженъ быть доступенъ обитателямъ другихъ міровъ, какія познанія возможны для нихъ, въ какомъ видѣ представляются имъ вселенная и нашъ міръ, и какія изъ усматриваемыхъ на небѣ явленіи служатъ, какъ для нихъ, такъ и для насъ правиломъ для установленія обычаевъ и основую космографическихъ явленій.

Любопытно, занимательно и даже полезно какъ бы удалиться отъ земли и погрузиться въ бездну небесъ, останавливаясь послѣдовательно на нѣкоторыхъ пунктахъ и наблюдая издали нашу обитель, видимую въ ея относительномъ положеніи. Сначала мы посѣтимъ нашего спутника, который, какъ вѣрный стражъ, обходитъ нашу землю въ 27 дней 7 час. 43 м. 11 с., и познакомимся съ его обитателями—„селенитами“. Нѣкоторые ученые возражать противъ такой дерзости, начавъ доказывать, что фактическія данныя, добытыя путемъ долгихъ и настойчивыхъ изслѣдованій и наблюденій, доказываютъ, что на поверхности луны не замѣчено ни капли воды, ни одной частички воздуха; но такіе ученые хотятъ установить законы вселенной, согласно съ несовершенствами нашей природы, принимать жизнь земную за типъ жизни всемірной и упорно признавать лишь то, что попадаетъ въ тѣсный кругъ нашихъ наблюденій. Луна—это небольшая планета, получающая свѣтъ и теплоту отъ солнца. Діаметръ ея равенъ 870 лье, если считать въ каждомъ лье по 4 километра. Движеніе же по орбитѣ, какъ уже выше было указано, совершается въ 27 дн. 7 ч. 43 м. 11 с.

Она представляетъ изъ себя 2 отдѣльныхъ полушарія, свойства которыхъ, какъ относительно насъ, такъ и относительно остальной вселенной, чрезвычайно различны: это ея видимое и невидимое полушарія. Надо замѣтить, что луна всегда и во всѣ времена видима съ одной стороны, другая сторона для обитателей земли является чѣмъ-то таинственнымъ. И подъ словомъ „селениты“ надо разумѣть обитателей обращенной къ намъ стороны. Для „селенитовъ“ всѣ звѣзды представляются движущимися съ востока на западъ вокругъ оси, проходящей черезъ центръ земного шара. Движеніе это совершается очень медленно; время, протекающее между 2 послѣдовательными восхожденіями звѣзды, равняется приблизительно 27 дн. 8 час., такъ что кажущаяся скорость движенія звѣздъ, находящихся даже въ экваторіальныхъ областяхъ, не превосходитъ скорости полярной звѣзды относительно насъ. Движеніе солнца еще медленнѣе.

Для обитателей луны дневное свѣтило восходитъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ; слѣдовательно, дни „селенитовъ“ въ 15 разъ продол-

жительнѣе нашихъ земныхъ. Но таковъ законъ спутниковъ: длинныя дни и длинныя ночи. Итакъ, луна имѣетъ попеременно 15 послѣдовательныхъ сутокъ свѣта и 15 послѣдовательныхъ сутокъ ночи. Скопленіемъ солнечныхъ лучей въ теченіе 15 дней на лунѣ долженъ обусловливаться палящій зной, превышая жаръ самыхъ экваторіальныхъ дней на землѣ. Подобное мнѣніе высказано Джономъ Гершелемъ, который говоритъ, что, по всей вѣроятности, зной на лунѣ превышаетъ температуру кипящей воды. Но Гершель забылъ, что отсутствіе влаги и воздуха на лунѣ позволяетъ лучамъ свободно выдѣлять теплоту путемъ лучеиспусканія. Последнее указаніе и позволило ученымъ доказать, что луна-тѣло охлажденное; и что ея ледяная температура способна понизить температуру до 40° ниже нуля.

Итакъ, отсутствіе влаги, воздуха и достаточной температуры должно умертвить на поверхности луны всѣ живыя существа. Но этотъ вопросъ не рѣшенъ окончательно, такъ какъ еще до сихъ поръ нѣкоторые ученые не хотятъ мириться съ тѣмъ, что жизнь на лунѣ должна подчиняться земнымъ законамъ.

Вслѣдствіе отсутствія атмосферы, звѣздное небо луны кажется гораздо мрачнѣе, чѣмъ наше. Нѣтъ тамъ разноцвѣтныхъ облаковъ на вечернемъ небосклонѣ; нѣтъ сумеречнаго свѣта при заходѣ солнца; нѣтъ тѣней и полусвѣта, нѣтъ облаковъ на небѣ и даже самага неба нѣтъ. Всѣ тѣ красоты, которыя можемъ наблюдать мы, замѣняются на лунѣ безотрадною и печальною безпредѣльностью, пустотою недостижимой глубины; но это небо безъ воздуха—самое богатое изъ звѣздныхъ небесъ. Изъ числа всѣхъ планетъ луна—самая удобная для наблюденій. Среди этихъ звѣздъ какъ разъ посрединѣ находится большой звѣтящійся шаръ. Этотъ шаръ въ 12 разъ больше кажущагося солнца и виситъ надъ головами „селенитовъ“ всегда въ одномъ мѣстѣ. Это—наша земля.

Она представляетъ фазы, подобныя представляемымъ луною, и проходитъ черезъ всѣ ступени своего развитія отъ новой къ полной землѣ. Земля есть громадная сфера, дающая „селенитамъ“ въ 13 разъ больше свѣта, чѣмъ сама она получаетъ отъ полной луны. Во время 24-часового обращенія вокругъ оси земной шаръ представляетъ „селенитамъ“ всѣ части своей поверхности. Такимъ образомъ наблюдать землю для „селенитовъ“ гораздо удобнѣе, чѣмъ обитателямъ земли наблюдать какое бы-то ни было свѣтило. Видимая съ луны земля представляется зеленоватою, какъ вслѣдствіе большой площади водъ,

такъ и по причинѣ лѣсовъ, полей, а также цвѣта атмосферы. По временамъ на дискѣ земли появляются большія сѣрыя и желтыя пятна.

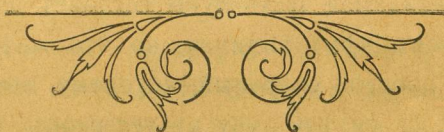
Всѣ эти свойства приписывались той сторонѣ луны, которая непосредственно обращена къ землѣ. Обратимся теперь къ невидимой сторонѣ луны—этому царству тьмы. Насчетъ таинственной стороны луны появилось большое множество гипотезъ, въ большинствѣ случаевъ противоположныхъ. Дѣло дошло до того, что стали утверждать, будто луна вовсе не имѣетъ другого полушарія и что будто она даже пуста, какъ шапочка, обращена къ намъ своею выпуклою стороною. Выскажемъ нѣсколько мыслей астрономовъ по поводу физическаго устройства нашего спутника.

Гюйгенсъ полагалъ, что въ силу своего движенія, луна съ момента своего существованія не могла быть однородной по составу, и болѣе тяжелые элементы, вслѣдствіе центробѣжной силы, оказались въ скрытомъ отъ насъ полушаріи. Слѣдовательно, можно сказать, что по мнѣнію Гюйгенса, невидимая часть луны состоитъ изъ болѣе твердыхъ и тяжелыхъ элементовъ, чѣмъ видимая; но это мнѣніе Гюйгенса можетъ опровергнуть простой смертный, которому, хотя одинъ разъ въ жизни, посчастливилось видѣть луну въ телескопъ и на поверхности ея замѣтить кратеры, а также и горы. Но болѣе прочныя и устойчивыя теоріи говорятъ, что, вслѣдствіе притягательной силы земли, тяжелыя тѣла могли занять мѣсто въ нижнемъ полушаріи луны, а тѣла легчайшія, газообразныя и жидкія—въ скрытой отъ насъ части. „Въ этомъ случаѣ“, говоритъ Фламмаріонъ: „луна подобна тѣмъ пробочнымъ игрушкамъ, основаніе которыхъ наполнено свинцомъ, чтобы онѣ могли стоять, и луна какъ бы стоитъ на землѣ въ разстояніи 96 тысячъ лье. По этимъ даннымъ, на видимой сторонѣ луны очень немного или даже вовсе нѣтъ воздухообразныхъ теченій, такъ какъ тѣла жидкія и газы находятся въ другомъ полушаріи, что и подтверждается, хотя неполными, производимыми надъ луною наблюденіями. Изъ этого слѣдуетъ, что 2 существенно различныя природы раздѣлили между собою обладаніе луннымъ шаромъ. Если на обращенной къ намъ сторонѣ нѣтъ атмосферы, слѣдовательно, и вода, такъ какъ послѣднія не могутъ существовать безъ атмосфернаго давленія, то сторона эта или обитаема организмами, существенно отличными отъ земныхъ, или же неудобна къ обитанію и, слѣдовательно, необитаема. Если же противоположная сторона орошается водами и покрыта какою-либо атмосферою, то организація ея обитателей можетъ представлять большую аналогію съ организаціей обитателей земли.

Слѣдовательно, каждое полушаріе имѣетъ свою собственную фізіологію, и фізіологіи эти настолько различны по ихъ сущности, что изъ одного полушарія нельзя безнаказанно переселиться въ другое „Итакъ“, говоритъ Фламаріонъ: „сколько предположеній, сколько идей цѣлыми роями возникаетъ въ умѣ, когда подумаешь о природѣ луны, столь различной отъ нашей природы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь похожей на нашу,—о продолжительности существованія селенитовъ, объ условіяхъ жизни, о періодѣ ихъ бодрствованія и сна, объ ихъ исторіи, идеяхъ, общественномъ строѣ. Что это за существа, чѣмъ занимаются, думаютъ ли они о насъ?“

Вопросы для насъ важныя, что бы тамъ ни говорили. Почему нѣтъ отвѣта на эти вопросы“.

(Объ обитателяхъ другихъ планетъ—въ слѣдующій разъ).

МЯТЕЛЬ.

На дворъ холодно;
Воетъ вѣтеръ, мятель,
И шуршитъ объ окно
Вѣткой сломанной ель.
Въ полѣ вьюга холмомъ
Снѣгъ наносить, реветъ;
Знать, не скоро тепломъ
Съ юга къ намъ понесетъ.
Пусть же злится она
На поляхъ и дворѣ;
Но въ нашъ домъ никогда
Не заглянуть зимѣ.

Б. Яновекій.

ПРѢСНОВОДНЫЙ АКВАРИУМЪ == == И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Окончаніе.

Очеркъ В. Владыкова.

IV. Животный міръ аквариума.

Животный міръ акв-ма очень разнообразенъ: сюда входятъ и рыбы, и земноводныя, и насѣкомыя, и проч.

Но мнѣ кажется, для любителя наиболѣе интересными обитателями изъ животнаго міра являются рыбы, что же касается другихъ, то они служатъ для изученія или специальныхъ любителей, или же ученыхъ наблюдателей природы. А для начинающаго любителя, какъ я полагаю, акв-умъ служить, главнымъ образомъ, для занятій въ часы досуга и для чисто эстетическаго наслажденія, которое получить каждый любитель, наблюдая малыхъ, хотя и нѣмыхъ друзей досуга-рыбокъ. Вотъ почему въ своемъ очеркѣ главное мѣсто я буду отводить рыбамъ, а о другихъ животныхъ скажу только вскользь. Начну съ наиболѣе у насъ распространеннаго семейства *карповыхъ* (Cyprini).

Карпъ (Cyprinis).

У карпа ротъ снабженъ 4 усиками, 2 на верхней губѣ и 2 въ углахъ рта. Тѣло широкое, но сильно сжатое съ боковъ; чешуя крупная. спинной плавникъ очень длинный, почти въ полспины, брюшной и задній, наоборотъ, короткій, хвостовой плавникъ съ глубокимъ вырѣзомъ.

У обыкновеннаго карпа (*C. carpio*) высота тѣла менѣе $\frac{1}{3}$ его длины. Карпъ любитъ стоячую или медленно текучую воду и потому въ аквариумѣ можетъ легко ужиться; держится у дна, любитъ иль. Любимая пища его растительность, но онъ охотно глотаетъ также и иль, вѣроятно, потому, что въ немъ кишатъ разные микроорганизмы; не

брезгаетъ также личинками, червями. Карпъ очень живучъ; и благодаря живучести его можно благополучно перевозить живымъ въ сыромъ мху на весьма значительное разстояніе. Вынутый изъ воды и положенный, напримѣръ, въ комнатѣ, онъ остается иногда живъ 10—12 часовъ. Изъ разновидностей карпа упомяну о *зеркальномъ* (*C. specularis*), котораго теперь довольно часто искусно разводятъ въ прудахъ. Эта оригинальная рыба покрыта чешуей не сплошь, а мѣстами, рядами; чаще всего одинъ рядъ идетъ вверху, по линіи спины, а другой рядъ отъ жабернаго щитла до хвоста, по срединѣ тѣла. Рыбка эта очень веселая, живая, подвижная и до того ручиѣющая, что даже приучается брать кормъ изъ рукъ. Нехорошо только въ немъ то, что онъ часто роется въ днѣ, страшно мутитъ воду и подрываетъ корни растеній. Питается онъ всѣмъ, что ему предложить, особенно любитъ дождевыхъ червей.

Карась (*Carassius*).

Внѣшность карася не стоитъ описывать, ибо кому-же онъ не извѣстенъ? Скажу только, что различаютъ двѣ породы этой рыбы: обыкновенную, широкую, желтую или красную (золотой карась—*C. vulgaris*) и серебряную (*C. gibelio*), бѣловатую и не столь широкую; серебрянаго карася высота тѣла $\frac{1}{3}$ длины, у золотого $\frac{2}{3}$.

Трудно представить себѣ болѣе невзыскательную и покладистую тварь. Кажется, чѣмъ чище вода и чѣмъ грязнѣе и иловатѣе дно водоема, тѣмъ любезнѣе карасю жизнь; карась—своего рода свинья между рыбами. Его обычная пища—илъ, т. е. все, что Богъ пошлетъ въ этой грязи, а также червячки и разныя мелкія животныя. Неприхотливостью его, быть можетъ, объясняется и то на видъ странное обстоятельство, что карась не особенно легко уживается въ акваріумѣ; чистая вода и вообще внѣшняя опрятность не въ его нравахъ и привычкахъ. Поэтому въ акваріумъ надо брать самыхъ мелкихъ, негодовалыхъ карасиковъ. Ихъ легко наловить гдѣ-нибудь въ прудѣ; они въ хорошій день толпами толкуются подъ берегомъ и здѣсь ловятъ мелкихъ рачковъ (дафиній, циклоновъ); здѣсь можно черпать ихъ, напримѣръ, такимъ сачкомъ изъ кисей, какимъ ловятъ бабочекъ.

Кормить ихъ надо сначала непременно живою пищею, хотя бы тѣми же рачками, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, а потомъ уже можно перейти на червей и м. со.

Золотая рыба (Carassius auratus.)

Золотая рыба—тотъ-же карась, только китайскій, а не европейскій; ея научное названіе—золотой карась. Въ Европу золотая рыба привезена очень давно, не менѣе 200 лѣтъ тому назадъ.

Впервые она появилась въ Португаліи, затѣмъ во Франціи, значительно позже у насъ въ Россіи.

Наибольшее количество этой рыбы разводили въ Штиріи, откуда она и транспортируется по Европѣ въ громадномъ количествѣ—милліонами штукъ. Золотыхъ рыбокъ до войны продавали всюду, и ихъ достать было очень легко; теперь-же ихъ нѣтъ почти и онѣ ужасно поднялись въ цѣнѣ: съ 15 коп. за штуку до 3 рублей.

Приобрѣтенную золотую рыбку надо на время посадить въ отдѣльную посуду и наблюдать за нею; если рыбки бодрѣе, бойко мелькаютъ въ водѣ взадъ и впередъ, а главное, жадно хватаютъ пищу, то можно быть спокойнымъ и сажать ихъ въ аквариумъ. Золотая рыба къ корму неприхотлива и вообще прекрасно осваивается съ жизнью въ аквариумѣ, иногда до такой степени, что даже мечетъ икру, изъ которой благополучно выходятъ „мальки“. Молодые рыбки первые мѣсяцы бываютъ окрашены такъ же, какъ и карась, въ темный цвѣтъ, безъ всякихъ признаковъ роскошной золотистой окраски, которая свойственна рыбкамъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Но и окраска взрослыхъ рыбъ очень разнообразна: встрѣчаются и ярко-красныя, какъ рубины, и розовыя, и желтыя, и пятнистыя, и даже черныя (чернушки). Въ Китаѣ за рыбъ, окрашенныхъ въ рѣдкіе цвѣта, платятъ безумныя деньги.

Золотая рыба, кромѣ этихъ цвѣтныхъ разновидностей, даетъ еще разновидности уродливыя, и изъ нихъ любителями особенно цѣнятся, такъ называемые, „телескопы“—(Carassius auratus var. macrophthalmus). Эти уродцы отличаются чудовищно выпяченными громадными глазами, торчащими по обѣимъ сторонамъ головы, словно два какихъ-то постороннихъ придатка. Кромѣ того, у этихъ рыбъ всѣ плавники, а особенно хвостовой, тоже, какъ и глаза, развиваются до неимоверной величины. Упоминаю о „телескопахъ“ лишь мимоходомъ, потому что едва ли найдутся желающіе платить за рыбку, интересную своимъ уродствомъ, по 25 рублей, а такова, именно, цѣна хорошихъ, т.-е. особенно уродливыхъ экземпляровъ. Единственное ихъ доброе качество—это живучесть и долговѣчность; извѣстны случаи, когда эти рыбки жили въ аквар. по 15—20 лѣтъ.

Линь (*Tinca vulgaris*).

У линей 2 усика, чешуя мелкая, плавники сильно выдающиеся и закругленные.

Чрезвычайно типичный признак линя—это изменчивость его цвета, откуда, вероятно, и произошло его название (линь—отъ линять). Въ водѣ онъ обыкновенно оливково-зеленый, съ золотистымъ отблескомъ, спина потемнѣе, брюшко сѣрое; но и этотъ его натуральный цвѣтъ находится въ зависимости отъ воды; въ чистой водѣ, съ песчанымъ дномъ, онъ свѣтлѣе, чѣмъ въ тѣнистой, а въ торфяныхъ озерахъ встрѣчаются почти черные лини. Но какъ только линя вынуть изъ воды, онъ тотчасъ начинаетъ покрываться темными пятнами; это происходитъ оттого, что слизь, покрывающая линя, усыхая, темнѣетъ, потомъ отваливается, и тогда подъ нею выступаютъ желтые пятна. Линь лѣнивъ, вялъ; цѣлые дни роется въ тинѣ, добывая любимыхъ червей. Лини растутъ быстро: 2—3 годовалый линекъ вѣситъ уже фунтъ. Для акв. всего лучше брать маленькихъ линьковъ, которые лучше уживаются, чѣмъ взрослые. Кормить линей можно дождевыми червями или мясомъ.

Горчакъ (*Rhodeus amarus*).

Горчакъ (получившій свое название отъ горькаго муса) напоминаетъ по формѣ тѣла небольшого карасика (длина его до 3 дюймовъ), но съ болѣе крупной, сравнительно, чешуей. Цвѣтъ тѣла его довольно различенъ, смотря по времени года. Въ обыкновенное время самки и самцы имѣютъ зеленоватую спину, серебристые бока и брюшко, а въ хвостовой части посрединѣ зеленоватую или черноватую полосу. Глаза блѣдножелтые съ оранжевымъ пятномъ въ верхней половинѣ. Во время метанія икры (съ мая по августъ) самецъ получаетъ совершенно радужную окраску: спина и бока у него становятся темно фіолетовыми, боковая полоска принимаетъ ярко-зеленый цвѣтъ, грудь и брюшко дѣлаются розовыми, а плавники красными. Горчака держатъ въ акв. изъ-за его особенности откладывать икру въ раковины моллюска-перловицы (обыкновенно *Unio*, рѣже *Anodonta*), для чего у горчака вырастаетъ длинный трубчатый яйцекладъ, какъ и у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. Горчакъ водится повсемѣстно въ чистой водѣ и прекрасно живетъ въ акв., гдѣ его можно кормить червями или же сырымъ мясомъ. Впрочемъ, горчакъ и самъ можетъ найти себѣ пропитаніе въ видѣ низшихъ водорослей, покрывающихъ растенія и стѣнки акв.

Изъ семействъ *вьюновыхъ* (Acanthopsides) укажу на наиболѣе интереснаго представителя-вьюна.

Вьюнъ. (Cobitis fossilis).

По наружному виду вьюнъ напоминаетъ угря или змѣю. Подобно пѣвякѣ, вьюнъ очень чувствителенъ къ перемѣнѣ погоды. За нѣсколько времени до ненастья онъ выплываетъ на поверхность воды. Наружный видъ его довольно красивъ: при желтомъ, даже красноватомъ брюшкѣ онъ имѣетъ желтовато-бурую, съ черными крапинками, спинку, а по бокамъ туловища три черныя продольныя полосы. У вьюна 10 усомъ: 6 на верхней губѣ и 4 на нижней. Вьюнъ любитъ тихую воду и тинистое дно. Въ акв. уживается прекрасно, живетъ долго, не требователенъ; кормить его можно дождевыми червями или мясомъ.

Изъ рыбъ *окуневаго* семейства (Percae) опишу ерша и нѣкоторыя породы окуней.

Ершъ. (Acerina cernua seu vulgaris).

Наружность этой оригинальной рыбки, съ ея острыми плавниками и зубчатыми щеками, конечно, такъ всѣмъ извѣстна, что описывать ее совершенно лишнее. Обыкновенно ерши имѣютъ въ длину около 5 дюймовъ. Ершъ водится въ проточной водѣ и заливныхъ озерахъ, любитъ чистую, глубокую, свѣжую, но не слишкомъ быструю воду съ песчанымъ дномъ. Несмотря на любовь къ глубокой водѣ, ерши у меня въ акв. прекрасно живутъ; вотъ почему я и хочу посовѣтовать держать этихъ рыбокъ, хотя и принадлежащимъ къ семейству хищныхъ, но вполне безобидныхъ. Ерши очень украшаютъ акв. своею причудливою формою и разнообразятъ населеніе его. Кормить ерша можно червями или мясомъ.

Окунь (Perca).

Держать нашего, рѣчнаго окунка въ акв. рискованно, такъ онъ очень прожорливъ и можетъ произвести въ немъ большое опустошеніе. У торговцевъ рыбами всегда можно достать иноземныя формы окуня, изъ которыхъ особенно рекомендуются солнечный (pomis gibbosus), каменный (Anbloplites rupestris) и голубой (Pomoxis sporordes). Всѣ эти породы окуня несравненно красивѣе нашего, да къ тому же не такія хищныя.

Кормятъ окуней червями, мухами и мясомъ.

Земноводныя.

Укажу здѣсь на тритона, какъ наиболѣе красиваго и интереснаго по образу жизни изъ нашихъ земноводныхъ.

Тритонъ гребенчатый (Triton cristatus).

Называется такъ потому, что весною у самца на спинѣ появляется родъ нароста въ видѣ гребня. Тритонъ имѣетъ оранжевое, покрытое черными пятнами брюшко, почти черную спину и сѣроватыя, съ бѣлыми мелкими пятнами, бока. Водятся тритоны въ каждомъ прудѣ, болотѣ и любой глубокой лужѣ, гдѣ весною и лѣтомъ, особенно въ солнечный день, ихъ отлично наблюдать, такъ какъ они часто поднимаются на поверхность воды, чтобы подышать. Въ это время ихъ легко ловить обыкновеннымъ сачкомъ, стоитъ только быстро поднести сачокъ подъ тритона и скорѣе его поднять, при чемъ нужно остерегаться, чтобы тѣнь не упала на животное, иначе оно быстро уплываетъ на дно. Въ акв. тритонъ живетъ очень хорошо, но такъ какъ онъ любитъ посидѣть иногда на сушѣ, то необходимо въ акв., гдѣ живутъ тритоны, поставить скалу, чтобы они могли выходить на тѣ части ея, которые выступаютъ изъ воды.

Кормить тритоновъ можно дождевыми червями, которыхъ они любятъ, а зимою сырымъ мясомъ.

Указанныхъ мною животныхъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы заселить акв. начинающаго любителя.

V Кормленіе рыбъ и уходъ за ними.

При описаніи рыбъ, я уже указывалъ, чѣмъ онѣ кормятся, а въ данной главѣ считаю не лишнимъ болѣе подробно остановиться на этомъ вопросѣ. Большинство рыбъ, разводимыхъ въ акв., въ томъ числѣ и указанные мною—существа плотоядныя; для нихъ нужна, слѣдовательно, животная пища, и при томъ не только мясо, а именно живая пища. Лѣтомъ и весною недостатка въ живой пищѣ не ощущается, такъ какъ въ это время всюду кишатъ дождевые черви, мухи, комары, ихъ личинки и др. насѣкомыя, и, слѣдовательно, населеніе будетъ жить припѣваючи. Но вотъ наступаетъ осень, за нею холодная зима, и вся эта мелочь, служившая ранѣе кормомъ рыбкамъ, исчезла: черви уползли глубоко въ землю, мухи и комары погибли, ихъ личинки тоже прячутся—теперь то и приходится хозяину акв.

заботиться о пропитаніи населенія акв. Лучше всего запастись живымъ кормомъ еще лѣтомъ. Съ этой цѣлью акв. стараются снабдить такими водяными животными, которыя-бы въ немъ размножились и жили круглый годъ. Къ такимъ животнымъ принадлежатъ разныя породы мелкихъ рачковъ, всюду водящихся въ изобиліи: дафнія (*Daphnia pulex*), Циприсъ (*Cypris oirim*) и циклопъ (*Ciclops quadricornis*). Всѣ эти рачки очень мелки не больше $1-1\frac{1}{2}$ миллиметра. Водятся, какъ я уже сказалъ, повсемѣстно, въ любомъ прудѣ, даже лужѣ. Въ изобиліи появляются они въ лужахъ весною послѣ сильныхъ дождей. Ловить ихъ можно въ этихъ лужахъ сачкомъ изъ частей кисей. Проведя сачкомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по водѣ, можете быть увѣрены, что захватили ихъ немалое количество, о присутствіи которыхъ въ водѣ очень легко заключить по оживленному движенію въ ней крошечныхъ тварей. Захваченная сачкомъ добыча выбрасывается въ принесенную собою банку, которую не мѣшаетъ чѣмъ-нибудь обернуть, чтобы защитить отъ солнца. Рачки не любятъ теплой воды и быстро въ ней погибаютъ; это необходимо помнить при ихъ ловлѣ. Если болото или лужа, гдѣ ловятъ рачковъ, очень далеко, то можно отсадить часть добычи изъ перваго-же улова въ особую банку съ растеніями; въ ней рачки довольно скоро такъ размножатся, что даже вода отъ нихъ потемнѣетъ. Можно запастись этими рачками и другимъ способомъ: именно, вылавливаемыхъ рачковъ сушатъ на солнцѣ или же въ печи. Приготовленные такимъ образомъ рачки не такъ питательны, какъ живые, но зато легче сохраняются. Рыбъ обычно кормятъ этими животными все лѣто до наступленія холодовъ, и только тогда можно начать кормить ихъ другимъ кормомъ, напр. мясомъ. Мясо для корма берется свѣжее, безъ жира и, конечно какъ можно мельче изрѣзанное, сообразно, впрочемъ, величинѣ рыбокъ. Очень хорошимъ кормомъ служатъ также и дождевые черви, которыхъ зимою можно сохранять въ просторныхъ ящикахъ съ землею и кормить варенымъ картофелемъ. При кормленіи червями ихъ разрѣзываютъ на нѣсколько частей и потомъ уже даютъ рыбамъ.

Кормить рыбъ нужно понемногу, два раза въ день, сообразно тому, какъ рыбы питаются на волѣ, т. е. утромъ и вечеромъ, и ни въ коемъ случаѣ не закармливать ихъ, потому что жирная рыбка очень легко можетъ заболѣть. Случается иногда, что какая-нибудь жадная рыбка объѣстся, тогда она становится вялою, спинной плавникъ у нея сгибается—самый вѣрный признакъ болѣзненнаго состоянія рыбки. Таковую обжору слѣдуетъ отсадить часа на 2—3 въ холодную воду, къ

которой прибавляют немного соли; рыба въ ней быстро оправляется. Недоѣденный кормъ надо по возможности немедленно удалить изъ акв., чтобы онъ тамъ не загнилъ.

Его отсасываютъ со дна стеклянною трубкой.

Болезни рыбокъ и ихъ лѣчение.

Я уже сказалъ, что признакомъ болѣзни рыбки служить согнутый, вялый спинной плавникъ. При первомъ обнаруженіи такого признака больную рыбку слѣдуетъ немедленно вынуть изъ общаго акв. и посадить въ холодную воду, въ которой распускаютъ соль въ количествѣ 1 чайной ложки на 2½ стакана воды. Эта соленая ванна въ большинствѣ случаевъ является единственнымъ лѣчебнымъ средствомъ. Если рыба, пущенная въ эту ванну, не выздоравливаетъ, то лучше съ нею разстаться, т. е. просто ее выбросить.

Дальнѣйшее лѣчение имѣетъ смыслъ, примѣняется къ какому-нибудь рѣдкому экземпляру. Но и въ этомъ случаѣ лѣчение можно примѣнять при наружныхъ болѣзняхъ; что же касается внутреннихъ болѣзней, то рыба патологія стоитъ на низкой степени развитія, и лѣчение ихъ опять-таки сводится къ соленой ваннѣ: надо отсалить въ нее больную рыбку на нѣсколько дней; поправится—хорошо, а не поправится—конецъ. Что же касается наружныхъ кожныхъ болѣзней, то онѣ состоятъ въ томъ, что рыба покрывается особаго рода грибомъ-плѣсенью. Чаще всего на рыбокъ нападаетъ бѣлая, шелковистая, рыхлая плѣсень (*Saprolegniae ferax*), которая покрываетъ рыльце рыбки или плавники и объѣдаетъ ихъ. Будучи замѣчена сразу, въ самомъ началѣ, эта плѣсень отъ соленой ванны проходитъ въ нѣсколько дней. Если же этотъ налетъ не пройдетъ, то нужно приготовить въ рюмкѣ крепкій растворъ соли (на рюмку воды ½ чайной ложки соли) и мягкой кисточкой смазываютъ покрытыя налетомъ мѣста этимъ растворомъ черезъ каждые 3—4 часа.

Продѣлывать это нужно быстро, чтобы рыба не долго находилась внѣ воды.

Въ хорошо устроенномъ и правильно содержащемся акв. рыбки почти никогда не болѣютъ, слѣдовательно, болѣзнь есть указаніе на какую-то небрежность въ содержаніи акв.

Желая написать данный очеркъ, я поставилъ себѣ цѣлью—дать въ краткой формѣ по возможности все то, что необходимо знать

начинающему любителю, чтобы пожелавшіе изъ нихъ устроить акв. не блуждали бы въ неизвѣстной имъ области, а шли бы вѣрными прямыми шагами къ намѣченной цѣли.

Какъ выполнена мною задача—не знаю, представляю судить объ этомъ самимъ читателямъ.

ШАРАДА № 3.

Когда отъ очень ужъ плохой отмѣтки
Послѣднюю мы букву оторвемъ,
Такъ сразу же получимъ первый слогъ
И къ слогу мы второму подойдемъ.
А что второй? Онъ украшеніе
Гористыхъ мѣстъ, да и равнинъ;
Въ немъ птицы-дичь, грибы плодятся
И звѣри разные водятся.
А два послѣднихъ слова—городъ,
Который въ Франціи лежитъ;
Онъ знаменитъ своею теплотою
И массу онъ цвѣтовъ въ себѣ раститъ.
А все Вы сразу-бъ угадали,
Коль въ римскомъ циркѣ побывали.

Дима.

Шарада № 4.

Мой первый слогъ—фигура геометріи
Да мячъ, земля—тоже они.
Второй же-то, что грѣшника пугаетъ;
Тамъ живутъ черти и горятъ огни.
А мой послѣдній слогъ—одна изъ буквъ.
А все Вы вмигъ узнаете,
Лишь вдумаетесь въ то,
Что вы сейчасъ рѣшаете.

Дима.

Шарада № 5.

Мой первый слогъ—футбольныя ворота,
Второй мой слогъ на хуторѣ найдете,
Коль пожелаете взглянуть, куда
Овецъ вгоняютъ ночь и непогода.
Затѣмъ прибавимъ букву изъ согласныхъ,
Да то, что держать въ рукахъ человѣкъ,
Который въ биллиардъ сейчасъ же вотъ играетъ,
И сразу же узнаемъ, что цѣло составляетъ.
А цѣлое? извольте—всѣ вы знайте:
Зайдите въ восьмой классъ—онъ тамъ на первой партѣ.

Дима.

У телефона.

Дрррр..... Центральная? Пожалуйста, барышня, квартиру доктора Олеумъ-Рицинина.

Дрррррр..... Дрррррр..... Дрррррр.....

—Алло!

—Квартира доктора Олеумъ-Рицинина?

—Да! Что угодно?

—Да это, Дмитрій Семеничъ, я—Анемподистъ Ильичъ. Здравствуйте!

—А, Вы! Здравствуйте, здравствуйте. Какъ живемъ? Не захворали ли опять, не дай Богъ? Ничего не случилось?

—Да что ужъ тамъ случилось. Видно, не жилецъ я на этомъ свѣтѣ. Сейчасъ вотъ температура 36,6. Скажите, это не тифъ начинается?

—Ха! ха! ха! ха! Тифъ, батенька, тифъ, самый форменный тифъ. Да притомъ врядь-ли Вы и перенесете его, т. к. такой температуры я еще ни у одного тифознаго не встрѣчалъ. Помрете батенька, обязательно помрете.

—Да Вы не шутите, Дмитрій Семеничъ, я серьезно боюсь.

—И я самымъ серьезнымъ образомъ говорю. Вотъ попросите лучше къ телефону супругу. Я ей расскажу способъ лѣченія.

—А отчего же не мнѣ?

—Э, батенька, Вы больны, да еще тифомъ: все равно все перебудете и напутаете.

—Ну хорошо, я передаю трубку. До свиданія.

—Катерина Кузьминична? Здравствуйте!

—Здрасте, здрасте, Дмитрій Семеничъ! Помогите, пожалуйста! Вотъ мой Аня зарубилъ себѣ, что у него тифъ, и я съ нимъ ничего не подѣлаю.

—Ха! ха! ха! Да если это въ первый разъ. Ну, ничего. Дайте ему чайку съ малинкой. А потомъ налейте водички въ чистый флаконъ изъ-подъ микстуры и давайте черезъ 2 часа по столовой ложкѣ. На завтра все, какъ рукой, сниметъ. А теперь до свиданія, Катерина Кузьминична. Ёду къ больному.

—До свиданія, докторъ, спасибо за совѣты!

Дрр... Дрр... Дрр...

Дима.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

39072

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ!

7-го января умерла отъ туберкулеза легкихъ ученица мѣстной гимназіи, бѣженка изъ Курляндіи, Марта Берзинъ...

Согнанная съ своего родимаго гнѣзда, оторванная отъ всего того, что она любила и къ чему привыкла, она была заброшена въ наши мѣста для того, чтобъ черезъ 1½ года заболѣть этой ужасной болезнью и вдали отъ горячо любимой ею родины умереть въ больницѣ. Какая иронія судьбы, какое беспощадное издѣвательство надъ чело-вѣческой жизни!

Судьба, которой у насъ привыкли приписывать все, спасла ее отъ непріятельскихъ бомбъ, дала ей возможность забраться вглубь Россіи, но взамѣнъ этого, потребовала однихъ только страданій; судьба увеличила ея жизнь, можетъ-быть, на 1½ года; но имѣла-ли эта бѣдная дѣвушка за эти 1½ года хоть одинъ радостный и свѣтлый день?

И какъ это должно быть ужасно—умереть въ 18 лѣтъ, совершенно не испытавъ жизни, кромѣ развѣ различныхъ непріятностей, умереть съ сознаниемъ, что вокругъ все живетъ, все чему-то радуется, все ожидаетъ чего-то лучшаго, все надѣется на что-то лучшее, что люди, въ 4 раза старше, еще надѣются шить и радоваться... Говорятъ, что хорошо умереть молодымъ, такъ какъ человѣкъ тогда не успѣетъ испытать всѣхъ разочарованій и всей горечи жизни, но спрашиваю: какія радости она испытала за свою коротенькую жизнь?

—De mortuis aut bene aut nihil,—говоритъ пословица, но въ дан-номъ случаѣ она почти непримѣнима, потому что въ характерѣ умершей не было ничего такого, воспоминаніе о чемъ могло-бы бросить хоть малѣйшую тѣнь на нее. Это была тихая, скромная, честная дѣвушка, не причинившая за всю свою жизнь никому не только зла, даже непріятности; мало того, если ей причинялъ кто непріятность, никогда отъ нея нельзя было услышать ни жалобы, ни упрека.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ приводится краткая біографія почившаго. Но какая можетъ быть біографія у 18-тилѣтней гимназистки?

Родилась она въ Митавѣ въ 1898 г.; тамъ же родители, несмотря на свои крайне скудныя средства, отдали ее въ гимназію, гдѣ она считалась одной изъ хорошихъ ученицъ. Въ 15-мъ году произошло наступленіе германцевъ на Курляндію: пришлось ей полюбоваться и нѣмецкими аэропланами, сбрасывающими бомбы, пришлось посидѣть въ вагонѣ, набито бѣженцами, какъ бочка сельдями... И все-же не нуженьбы былъ ей „изъ семи досокъ ларецъ“, еслибъ она обращала хоть немного вниманія на свое здоровье, еслибъ не ходила въ гимназію до послѣдней возможности, несмотря на свою явную болѣзнь.

Да, жаль молодую жизнь, тѣмъ болѣе теперь, когда ежедневно тысячи бодрыхъ и сильныхъ падаютъ

„Въ широкія общія ямы,

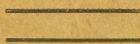
„Въ могилы, гдѣ имени нѣтъ“.

В. К.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакція считаетъ должомъ довести до свѣдѣнія читателей журнала „Школьный Лучъ," что 1) въ числѣ сотрудниковъ его со 2-го № состоятъ ученики и среднихъ классовъ гимназій; что 2) журналъ выходитъ по мѣрѣ накопленія матеріала, и что 3) вслѣдствіе этого годовая подписка на журналъ не бинимается.

Редакція журнала силъ доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что въ № 4 „Школьную Луча" будетъ помѣщена статья отъ редакціи, посвященная вопросу объ Учредительномъ Собраніи.

№ журнала замедленъ выпускомъ по обстоятельствамъ, отъ редакціи не зависящимъ.

РЕДАКЦІЯ.

